

предполагаемое издание не состоялось, и в 1877 г. полный текст Изборника был издан в качестве приложения к исследованию В. Шимановского «К истории древнерусских говоров». Эта публикация была единодушно осуждена лингвистами: некоторые рецензенты назвали книгу Шимановского «вредной»⁷, не представляющей научной ценности, непригодной для употребления даже после исправления отмеченных рецензентами многочисленных ошибок публикатора⁸. Однако это не помешало Шимановскому повторить свое издание, причем уже не в качестве приложения, а самостоятельной книгой. Учтя замечания критиков, Шимановский на сей раз дал более подробное, чем в первом издании, палеографическое описание рукописи, но вновь допустил много ошибок в публикации текста, так как считал, что многочисленные позднейшие исправления последнего «заклучались лишь в том, что наводили новыми чернилами выцветшие древние буквы, не заменяя старинного правописания новым»⁹.

Издания Шимановского, будучи действительно непригодными для лингвистического изучения Изборника, сделали, однако, его текст доступным историкам русской литературы, которым до сих пор приходится довольствоваться хотя и добротными публикациями, но лишь отдельных и немногих его статей¹⁰. И можно прямо сказать, что эти издания ввели Изборник в круг интересов литературоведов, дали возможность использовать его содержание при изучении таких, например, важнейших проблем, как вопрос об особенностях перевода и распространения в русской рукописной книжности памятников византийской литературы. Одновременно с увеличением масштабов изучения содержания Изборника расширились и географические границы исследований: его привлекают авторы монументальных трудов в Казани¹¹ и Одессе¹², не говоря уже о Москве, где в 1904 г. появилась монография М. Н. Сперанского «Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности»; Изборнику 1076 года в ней было уделено достаточно внимания.

В названных и некоторых других работах наметилось то направление изучения Изборника, которое можно назвать «источниковедческим»: его статьи сравнивались с оригиналами — памятниками переводной, преимущественно византийской, литературы и с их аналогами в русской рукописной книжности. И при этом сразу же обнаружилось различия, позволяющие сделать вывод об особом характере использования источников в Изборнике: они не только свободно компилировались, но подчас и значительно переосмыслились. В таком виде статьи Изборника часто становились и сами источниками для других, позднейших книг. Все это вызывает необходимость книговедческого изучения этого памятника.

Определение места Изборника 1076 года в истории русской книги, естественно, должно было начаться с сопоставления его с одноименной книгой, переписанной всего за три года до этого. И как только обнаружился Изборник Святослава, с ним начали сравнивать Изборник 1076 года. К. Ф. Калайдович, нашедший в 1817 г. вместе с П. М. Строевым, Изборник Святослава, писал: «В Императорской библиотеке (имеется в виду библио-

⁷ РФВ, т. XIX, 1888, № 1, с. 74—117. ¶

⁸ Таково было мнение И. В. Ягича — «Archiv für slavische Philologie», Bd. XI, N. 2, S. 233—241; N. 3, S. 368—383.

⁹ Сборник Святослава 1076 года. Варшава, 1894, с. V—VI.

¹⁰ Кроме первой статьи Изборника, переизданной в Хрестоматии Пенинского семь раз, Ф. И. Буслаев в своей «Исторической хрестоматии» опубликовал (по рукописи) в 1861 г. еще четыре статьи. Одну статью — уже после первого издания Шимановского — опубликовал (также по рукописи) В. Семенов в кн. «Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам». — «Памятники древней письменности», XCII, СПб., 1892.

¹¹ *Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Т. I—IV, Казань, 1889—1890.

¹² *Яковлев В. А.* К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893.